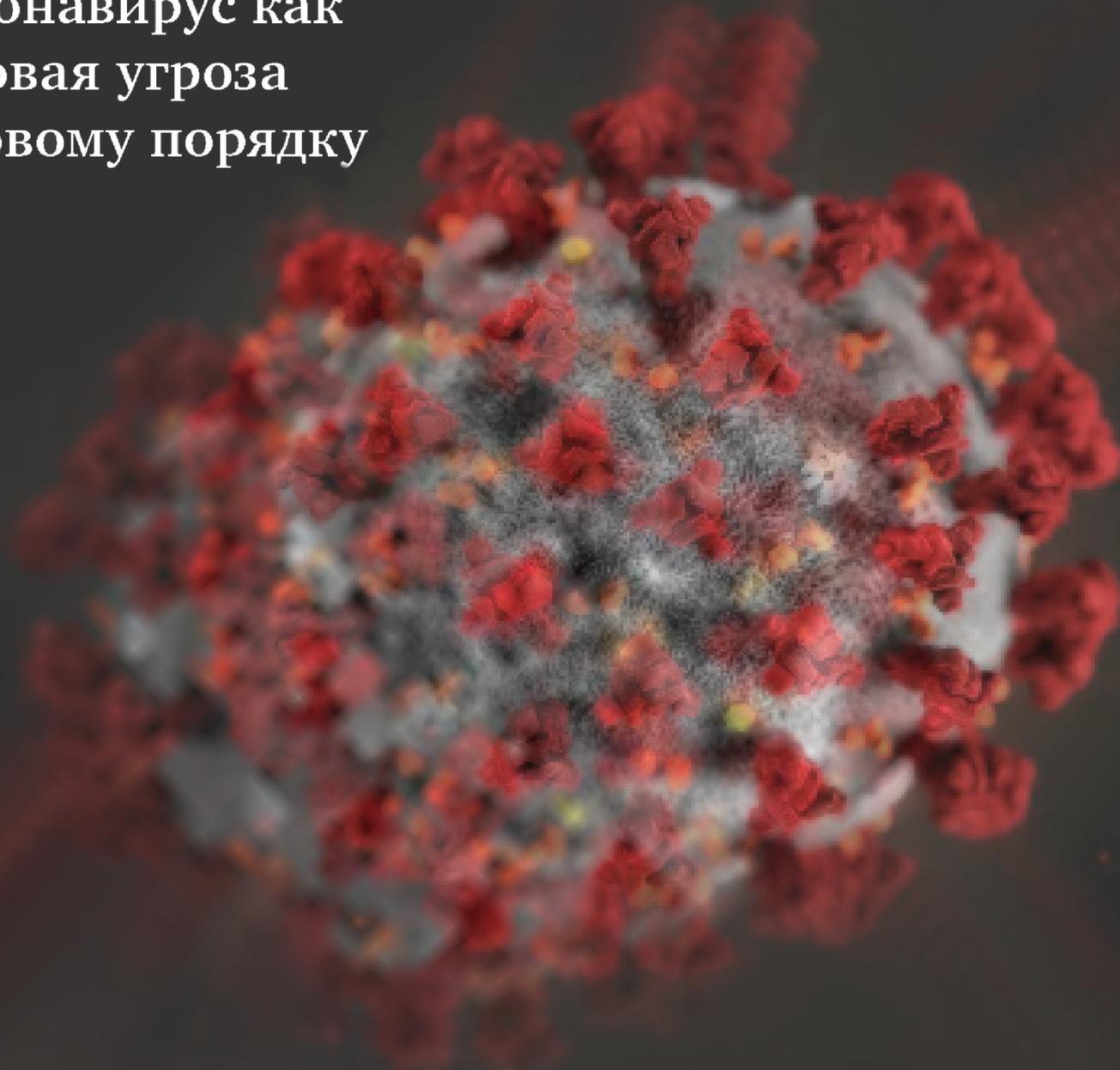

March 2020

NON PAPER

Коронавирус как
новая угроза
мировому порядку

Один день без
женщин в
Латинской Америке

Интервью
Л. Э. Слуцкого
газете «Non Paper»

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Один день без женщин в Латинской Америке
Голикова Анна 4

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Гендерные роли: репрезентация в мировом медиапространстве
Т. В. Скороспелова 11

ДИПЛОМАТИЯ

«Сделка века»: грамотная пиар-кампания Трампа или попытка войти в историю?
Быстрицкая Ксения 18

NON PAPER

Главный редактор: **Анастасия Батагова**
 Заместитель главного редактора: **Диана Хаджимурадова**
 Художественный редактор: **Анна Сухарева**
 Куратор: **Алексей Валериевич Фененко**
 Корректурa: **Валерия Бурдакова, Дарья Киселева, Глеб Чугунов**
 Редактор: **Богдан Авдеев**
 Журналисты: **Анастасия Батагова, Ксения Быстрицкая, Анна Голикова, Анна Логинова, Наталья Санникова, Анастасия Селезнева, Виктория Сташейко**
 Верстка: **Анна Сухарева, Анастасия Батагова**
 Обложка: **Жанна Чумпилова**

Фотографии: **фотоархив ФМП, личные фотоколлекции студентов, интернет-источники**
 Дата издания: 6 апреля 2020 г.

НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Коронавирус как новая угроза мировому порядку
Логинова Анна 6

Российские и американские подходы к изучению космической безопасности
Селезнева Анастасия 8

АКТУАЛЬНО

Глобальное потепление: миф или реальность?
Санникова Наталья 14

США и Африка: плавный спуск от вершины к подножию. Как жесткие меры приводят к падению авторитета США в Африке?
Сташейко Виктория 16

АРХИВ ФМП

Интервью Л. Э. Слуцкого газете «Non Paper»
Батагова Анастасия 20

Присоединяйтесь к нашей группе ВКонтakte!

https://vk.com/nonpaper_official

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Несмотря на то, что предыдущая неделя была каникулярной, наша редакция тем временем продолжала работу над мартовским номером. Мы рады представить его вам, на этот раз впервые в электронном формате. Карантин внес свои коррективы и в форму публикации нашего издания.

Неизвестно, сколько еще продлится дистанционное обучение, однако «Non Paper» работает в штатном режиме. Конечно, мы очень грустим, что не можем пока что собираться всей редакцией для обсуждения тематики выпусков и планов работы, но тут нас спасают социальные сети и различные системы для общения в интернете.

За прошедший месяц всем нам пришлось преодолеть немало трудностей: приспособиться к новому формату обучения, освоить немало новых программ, а главное, привыкнуть к тому, что теперь от кровати до аудитории – всего пара шагов. В таких условиях нужно прикладывать особые усилия, чтобы поддерживать самодисциплину и не терять зря драгоценное время. Домашняя атмосфера такая уютная, что совсем не располагает к работе, а между тем мы должны продолжать осваивать учебный материал в том же темпе. Я искренне надеюсь, что сейчас все (и студенты, и преподаватели) уже адаптировались к нововведениям, ведь нам предстоит провести на карантине еще как минимум месяц. В этом контексте от лица редакции «Non Paper» я желаю всем нашим читателям оставаться здоровыми, сохранять спо-

койствие и не унывать, так как ситуация обязательно нормализуется, и наша жизнь вернется на круги своя! Берегите себя и своих близких!

В «March 2020» мы, разумеется, не оставили без внимания тему коронавируса, которую активно обсуждают во всех СМИ. Анна Логинова рассмотрела ее с точки зрения теории международных отношений и предположила, что пандемия может стать катализатором для смены мирового порядка. Кроме того, в номер вошли общетеоретические статьи о глобальном потеплении и подходах к изучению космической безопасности. В фокусе работ наших журналистов также оказались волна протестов феминисток в Латинской Америке, политика США в африканских странах, инициатива Д. Трампа в отношении урегулирования израильско-палестинского конфликта. В рубрике «Мнение эксперта» – статья Т. В. Скороспеловой, посвященная гендерным ролям и их репрезентации в мировом медиапространстве.

Особое место в мартовском номере занимает интервью Председателя комитета Государственной Думы РФ по международным делам, д. э. н. Л. Э. Слуцкого, который 26 марта был назначен президентом нашего факультета. Для ФМП это знаковое событие, и мы, разумеется, решили во всем подробно разобраться, а именно – побеседовать с Леонидом Эдуардовичем лично. Как главный редактор «Non Paper» я благодарю Леонида Эдуардовича за открытость к диалогу и уделенное нам время, а также надеюсь, что подготовленное интервью с президентом ФМП даст нашим читателям ответы на основные вопросы, неизбежно возникающие в контексте подобных перемен. Еще раз желаю всем крепкого здоровья и стойкости, чтобы противостоять угрозе коронавируса. Наш мир сегодня переживает эпохальные трансформации, которые, конечно, не проходят безболезненно. Однако и этот кризис человечество, без сомнения, преодолеет, вопрос лишь в том, как быстро и какие уроки из него извлечет. Думаю, скоро мы это узнаем.

Carpe diem,
Анастасия Батагова,
главный редактор «Non Paper»

Один день без женщин в Латинской Америке

В октябре 2017 г. в США началась массовая кампания против насилия и домогательств #MeToo, которая оказала существенное влияние на феминистское движение по всему миру. По мнению многих аналитиков, в странах Латинской Америки на данный момент феминизм только набирает обороты: с каждым годом все больше женщин выходит на протестные акции, призывая к равенству и защите своих прав. А акцию, которую провели 9 марта 2020 г. женщины Мексики, уже называют историческим событием.

В Латинской Америке феминизм уже много лет существует в контексте многовекового колониализма, который играет немаловажную роль в развитии движения за права женщин. Истоки современного латиноамериканского феминизма берут свое начало в 1960-х гг., при этом в разных регионах Латинской Америки и Карибского бассейна определение феминизма зависит от культурных, политических и социальных особенностей. Среди ученых и активистов существует мнение о том, что участие женщин в левых движениях стало одной из центральных причин развития латиноамериканского феминизма.

Еще в XIX веке многие женщины, которые имели доступ к образованию и происходили из семей среднего класса, пытались бросить вызов доминирующим гендерным нормам. Самыми яркими представительницами той эпохи были Мануэла Саэнс и Джуана Горрити, которые не только боролись за права женщин, но и принимали активное участие в революционных движениях. После войны за независимость испанских колоний в Америке,

которая шла с 1808 по 1826 гг., многие колонии получили свободу, и в таких странах, как Мексика, Венесуэла, Перу, Чили, Боливия и Аргентина, стали развиваться новые движения. В связи с этим в конце XIX века в Латинской Америке борьба переместилась в политическую и социальную сферы: за избирательное право, равные трудовые права, доступ к образованию. В 1910 г. в Аргентине состоялся первый Международный феминистический конгресс, в следующий раз он прошел в Мексике.

В 1945 г. Габриэла Мистраль, чилийская поэтесса и дипломат, получила Нобелевскую премию по литературе. После этого она на многие годы стала лидером феминистского движения в Латинской Америке. Однако впоследствии движение за женские права стало терпеть все больше неудач, что было связано с установлением диктаторских режимов во многих странах региона. Оно смогло возобновиться в 1980-х гг. после падения диктатур и установления новых демократических режимов во всем регионе, и с тех пор только набирает обороты, что приобретает особую актуальность в связи со сложившейся

гендерной ситуацией в странах Латинской Америки. Аналитики Института Гэллага, американского института по изучению общественного мнения, заявили о том, что в Латинской Америке уровень гендерного неравенства и насилия по отношению к женщинам является одним из самых высоких в мире. Так, согласно статистическим данным, в Колумбии ежемесячно убивают 85 женщин, 924 становятся жертвами изнасилований, 2600 сталкиваются с семейным насилием, и такие данные характерны практически для всех стран региона. И хотя власти пытаются улучшить ситуацию, на данный момент небольшие изменения заметны только в политической сфере. Еще в 1990-е гг. в ряде стран Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а именно была введена система квот женского представительства на выборных должностях. Между тем аборт законом приравнены к убийству в Венесуэле, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа, Парагвае и Чили. Впрочем, зачастую государствами принимаются такие меры, которые не соблюдаются повсеместно.

В XXI веке женщины, готовые отстаивать свои права, все чаще стали выходить на улицы, часто рискуют своей безопасностью и здоровьем. Совсем недавно в нескольких странах Латинской Америки прошли масштабные демонстрации за права женщин, а в Мексике состоялась массовая забастовка под лозунгом «Один день без нас». По официальным данным, в Мексике, крупнейшей испаноязычной стране мира, каждый день от домашнего насилия погибает в среднем 10 женщин, и за последние годы количество жертв возросло на 137 процентов. За 2019 г. в Мексике было убито около четырех тысяч женщин, при этом почти каждый четвертый случай был квалифицирован как фемцид.

Девятого марта нынешнего года в Мексике на работу не вышли женщины, которые трудятся практически во всех сферах жизни общества. Идея организаторов состояла в том, чтобы показать, как будет выглядеть общество, если в нем не будет женщин. Протестная акция в первую очередь была направлена на то, чтобы запустить

процесс изменения общества, в котором гендерное насилие, неравенство и культура мачизма до сих пор находят поддержку у части населения.

За последние годы на фоне набирающего обороты глобального движения #MeToo активность феминистских движений в Мексике получила новый мощный импульс. Сабина Берман, мексиканская писательница и феминистка, убеждена, что ядром последних протестов стало новое поколение женщин, которое потеряло терпение. Сама акция, прошедшая 9 марта, была спровоцирована двумя убийствами – 25-летней Ингрид Эскамиллы и 7-летней Фатимы Олдригетт.

Сейчас в мексиканском обществе наблюдается раскол, который со временем при сохранении высокого уровня поляризации общественного мнения в отношении феминистского дискурса, по мнению ряда социологов, будет только усугубляться. Многие поддерживают кампанию и призывают к участию в протестах. Так, Мексиканский деловой координационный совет, влиятельная коалиция бизнес-групп, выступил с заявлением, в котором призвал другие деловые структуры поддержать сотрудниц, участвующих в забастовке. Однако некоторые считают, что эти протесты на самом деле спровоцированы в пропагандистских целях, а их значение чрезмерно политизировано. Президент Мексики Андрес Обрадор заявил, что в этих забастовках он видит призрак политических махинаций, что представляет существенную выгоду для его политических оппонентов.

Тем не менее организаторы надеются, что забастовка 9 марта – это не просто демонстрация, а новое движение, которое и дальше будет вдохновлять женщин по всему миру на борьбу за свои права и поможет наладить диалог с властями. И как сказала одна из протестующих Маркалена Кортес: «У каждой женщины есть свои причины участвовать в демонстрациях. Но нас объединяет общее стремление — чтобы нас уважали, и мы хотим быть услышанными».

Коронавирус как новая угроза мировому порядку

В то время как люди скупают антисептические средства, а политики и чиновники соревнуются в предостережениях и новых мерах по борьбе с пандемией, мир стоит на пороге трансформации и деглобализации. Станет ли вирус своего рода катализатором смены глобального порядка или только приведет к временному снижению напряженности в международных отношениях?

Эпидемия коронавируса, начавшаяся в Китае, казалось, носила локальный характер и не представляла опасности для мирового сообщества. Ведь развитие медицины и новых технологий в теории нивелировали угрозу распространения вируса за пределы странового очага. Однако спустя короткое время особо сильные вспышки вирусной инфекции были зафиксированы в Италии, где счет инфицированных быстрее, чем в других странах, пошел на сотни. С этого момента COVID-19 стал глобальной проблемой и главным вызовом безопасности государств.

На протяжении всей истории человечества массовые эпидемии периодически появлялись в разных уголках света. В силу наибольшей плотности населения Европе приходилось не раз переживать страшные эпидемии чумы, кори и других смертельных заболеваний. Последней такой «вспышкой» можно назвать испанский грипп, который в 1919-1920 гг. унес жизни миллионов людей.

Высокие стандарты санитарно-гигиенических норм и огромный прорыв в разработке вакцин и прививок, казалось бы, навсегда избавили мир от массовых эпидемий. Несмотря на появление во второй половине XX века таких заболеваний, как ВИЧ и СПИД, сегодня широкомасштабной паники по этому поводу не возникает из-за специфики передачи ВИЧ-инфекции и ограниченности числа лиц, входивших в группу риска. Медицина сместила фокус изучения на сердечно-сосудистые заболевания, рак и другие патологии. Они не передавались воздушно-капельным путем, поэтому не вызывали всеобщий страх.

После резкого скачка медицины в развитых странах, эпидемии касались только развивающихся государств. Китай, безусловно, трудно отнести к «периферии», и несмотря на периодические вспышки таких вирусных заболеваний, как свиной грипп и атипичная оспа в начале XXI века, их удавалось удерживать внутри границ Китая или в рамках субрегиона.

Это лишило мировое сообщество бдительности, и COVID-19 никого не удивил. Угрозу европейцы воспринимали как слишком далекую, чтобы предпринять необходимые превентивные меры. Поэтому мир столкнулся с давно забытой инфекционной пандемией.

Неосведомленность населения, запоздалая реакция по введению контрмер, а также неготовность систем здравоохранения, как и правительств многих государств, к распространению вируса привели к пандемии и показали уязвимость современной международной системы.

Стремительное распространение коронавируса является следствием глобализации: взаимозависимости экономик, открытых границ, непрекращающихся туристических потоков. Коронавирус обнажил уже давно существующие проблемы в системе здравоохранения, показал слабость глобального взаимодействия, заставил задуматься о международной солидарности. Важно отметить, что коронавирус вышел за рамки медицины. В частности, политологи рассматривают его как предпосылку грядущих трансформаций в мировой экономике и международных отношениях.

На первый взгляд кажется, что информационный шум в СМИ насчет коронавируса излишен и только добавляет паники в жизнь общества. Действительно, в мире ежедневно умирает от других серьезных заболеваний больше людей, чем от COVID-19. Коронавирус можно было бы охарактеризовать как простой грипп, протекающий в тяжелой форме. Однако опасно недооценивать врага: последствия глобального распространения вируса и его влияние на международную обстановку колоссальны. Возникшие серьезные экономические, политические и экологические проблемы - яркое тому подтверждение.

Наш мир оказался более хрупким, чем мы думали. В ожидании нового миропорядка, который напрашивается со времен окончания холодной войны, в условиях нарастания международной напряженности должен был последовать масштабный конфликт, который бы стал катализатором изменений в международных отношениях. Но появился вирус. Как предполагают многие специалисты, коронавирус может стать тем самым фактором смены существующего порядка. Однако COVID-19 не имеет такого разрушительного эффекта, как война, или, допустим, бубонная чума. Как бы ни были страшны предсказания СМИ по поводу вируса, его возможности ограничены. Рано или поздно появится вакцина. Но на данный момент эта ситуация демонстрирует нам, как мало нужно миру, чтобы начать меняться.

Общая уязвимость всех международных акторов в условиях пандемии ставит под вопрос существующее мироустройство, основанное на либеральных глобалистских ценностях. Национальные интересы госу-

дарств вышли на первое место, оставив позади глобальную международную солидарность. Безусловно, уже сейчас можно назвать коронавирус «символом деглобализации»: страны прекращают любые взаимодействия между собой, вводят карантин, закрывают границы, стараясь оградить себя от возможных рисков.

Сложно сказать, как развернутся дальнейшие события. Сможет ли мировое сообщество в дальнейшем объединиться для решения насущных мировых проблем касательно изменения климата, ликвидации оружия массового уничтожения и прочих современных вызовов? Будет ли коронавирус катализатором для деглобализации и повышения роли национальных государств, или станет лишь средством разрядки международной напряженности – покажет время.

Логинова Анна

Российские и американские подходы к изучению космической безопасности

В XX веке США и СССР, будучи сверхдержавами, обладали потенциалом для создания передовых на тот момент технологий, включая спутники и ракеты-носители. Таким образом, государства вышли в космос. Появилась необходимость установить некие правила игры на новой территории, обеспечить безопасность деятельности стран в околоземном пространстве. Началось формирование концепций космической безопасности.

Американская теория середины XX века рассматривала космическую безопасность как возможность размещать и использовать имущественные объекты за пределами Земли без постороннего вмешательства, нанесения ущерба или уничтожения этих объектов. Данное определение давало США возможность выводить свои технологии в космос и использовать их для удовлетворения своих национальных интересов и обеспечения безопасности государства. При этом, поскольку идея эксплуатации космического пространства излагалась лишь в примерных стратегиях и планах, ограничений по видам техники, которые можно запустить на орбиту, еще не существовало. Поэтому главными вопросами, стоявшими перед теоретиками в период зарождения космической эры, были: каким образом выход в новое пространство повлияет на мир в целом и США в частности и как его следует использовать.

В 1963 г. после подписания Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой перед сверхдержавами встал выбор: пойти по пути кооперации и демилитаризации космоса или найти другие способы вывести вооружения за пределы Земли. Обсуждение данных вариантов развития в 1960-е гг. переросло в дебаты сторонников концепций «космической обороны» и «космического убежища». Теоретики концепции «космического убежища» полагали, что милитаризация космоса является дестабилизирующим фактором, который положит начало новым конфликтам. Сторонники «космической обороны» предсказывали неизбежность войн в новом пространстве, поэтому советовали сразу создавать и выводить вооружение на орбиту. На основе этих дебатов сформировались четыре теоретические школы: космического национализма, глобального ин-

ституционализма, технологического детерминизма и социального взаимодействия.

Школа глобального институционализма основывается на идеях о возможности использования космоса в качестве укрытия от земных политических конфликтов. Основоположник школы, британский ученый и писатель Артур Кларк считал, что научно-технический прогресс следует применять для налаживания коммуникации в сфере мирного, а не военного использования околоземного пространства. Глобальные институционалисты отводят решающую роль международным актам, полагая, что мировое сообщество должно объединиться для создания полноценной международно-правовой базы, которая установит запрет на размещение в космосе любых видов оружия.

Космический национализм – единственная школа, сформированная сторонниками концепции «космической обороны». В основу теории легло несколько источников. Во-первых, противостояние великих держав как двигатель прогресса в военной сфере. Профессор международных отношений Университета Пенсильвании Уолтер МакДугал, например, видел причину стремительного повышения активности в космосе в необходимости сверхдержав одержать победу в гонке вооружений. Во-вторых, теория политического реализма рассматривается как ядро космического национализма. Представители концепции считают суверенные государства единственными акторами на мировой арене, стремящимися обеспечить собственную национальную безопасность. Единственное верное средство достижения цели – применение силы. В-третьих, теория сложилась в контексте Холодной войны. В 1960-1970-е гг. были подписаны международные акты, ограничившие милитаризацию космоса, однако, по мнению профессора стратегии командования военно-воздушных сил США Эверетта Долмана, документы являлись не гарантом мирного сотрудничества СССР и Соединенных Штатов, а подтверждением состояния Холодной войны. Таким образом, космический национализм предполагает подготовку США к войне за доминирование в межзвездном пространстве.

Технологический детерминизм – школа, которая рассматривает космическую безопасность через призму развития науки и технологий. В США данная концепция имеет несколько вариаций, проистекающих из теории «конвергенции», и теории «общественного блага». Основатель теории «конвергенции» экономист Джон Гэлбрейт считал развитие технологий производством основанием для слияния капиталистической и социалистической систем. Теоретики космической безопасности 1960-х гг. переносили концепции «конвергенции» на околоземное пространство: прогресс США и СССР в сфере аэрокосмонавтики, по их мнению, может объединить биполярный мир. Аналитики, опирающиеся на тео-

рию «общественного блага» политического экономиста Джона Конибэра, полагали, что космические державы, являясь рациональными государствами, будут принимать решения в соответствии с экономическими интересами. Таким образом, школа технологического детерминизма предполагала объединение всего мира на базе научно-технического прогресса и экономических стратегий акторов.

Социальное взаимодействие – школа, основанная в 1980-х гг. и опирающаяся на возможность долгосрочных отношений между государствами в сфере космической безопасности. Концепция этой школы содержит ряд новых идей. Во-первых, главной угрозой безопасности является милитаризация околоземного пространства. Во-вторых, представители школы указывают на причастность США к возникновению милитаристских тенденций. Майкл Крепон, основатель американского центра Стимсон, утверждал, что Соединенные Штаты способны заполнить вооружениями околоземное пространство. Таким образом, школа социального взаимодействия отражает новую интерпретацию не только понятия «космической безопасности», но и истории гонок вооружения.

Интерес к проблематике, связанной с околоземным пространством, возродился с созданием в 2004 г. Отдела национальной космической безопасности США. В рамках этой структуры официально закрепились понятие космической безопасности как способности вооруженных сил защищаться от нападения с использованием космических систем навигации и связи.

Российские ученые не ставили в центр внимания космическую безопасность как обособленную дисциплину. Поэтому если в США сформировалась отдельная теория, базирующаяся на четырех основных школах, то отечественные политологи все еще рассматривают данную проблему в рамках стратегической стабильности.

Во второй половине XX века советские специалисты определяли стратегическую стабильность как некое равновесие между военным, научным и техническими потенциалами США и Советского Союза, которое определялось двумя факторами: наличием советских и американских доктрин и иных военных документов, создающих напряженность во всем мире; проведением двусторонних переговоров и достижением соглашений по ограничению и сокращению вооружений, которые эту напряженность ослабляли.

Стратегическая стабильность имеет один недостаток. Она способна восстанавливаться, но при этом переходит на новый уровень, отличающийся от предыдущего большей неустойчивостью. Поэтому стратегическую стабильность необходимо поддерживать на текущей ступени путем развития стаби-

лизирующих факторов и устранения дестабилизирующих.

В качестве дестабилизирующих факторов можно рассматривать системы противоракетной обороны (ПРО) и противоспутниковое оружие (ПСО).

Обеспечение максимальной защиты государства требует установки систем ПРО на всей территории, что в настоящий момент невозможно. Необходимый уровень безопасности могут создать противоракетные системы наземного базирования с дополнительным космическим эшелонам. Однако подобное средство обороны станет еще одним дестабилизирующим фактором, поскольку появление нового элемента в военном арсенале государства приведет к усложнению системы оценок стратегического баланса и вынудит противника искать способ вернуть состояние равновесия. Если у обеих стран появляется «щит» в виде космических противоракетных систем, необходим «меч», который эти системы защитит. Этим «мечом» и станут незапрещенные в космосе виды вооружений.

Противоспутниковое оружие направлено на выведение из строя спутниковых систем. Как известно, спутники являются основным средством управления и связи как в гражданской, так и в военной сфере, и средством раннего предупреждения о нападении противника. ПСС поставит под угрозу выполнение жизненно необходимых задач и функций: обеспечение навигации, связи, доступа к информации. Кроме того, ПСС тесно связана с противоспутниковой обороной: запретить ПСО возможно только вместе с ПРО космического базирования.

Сегодня в качестве потенциальных космических вооружений рассматривается оружие, функционирующее на новых физических принципах. Возможностью поражать объекты в околоземном пространстве обладают такие системы, как оружие направленной передачи энергии (ОНПЭ), сверхвысокочастотное оружие (СВЧ), средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Новым вызовом международной безопасности стали технологии двойного назначения. Научно-технический прогресс XXI века привел к стиранию различий между космическими объектами военного и гражданского назначения: оба вида аппаратов способны выполнять одни и те же задачи. Таким образом, к настоящему времени отечественные специалисты обозначили целый комплекс дестабилизирующих факторов, подрывающих равновесие в сфере международной безопасности. Как упоминалось ранее, для поддержания стабильности необходимо либо устранить вышеперечисленные проблемы, либо создать им некий противовес. И, поскольку в связи с научно-техническим прогрессом создавать новые системы уничтожения существующих технологий не представляется воз-

можным, мировому сообществу следует выработать ряд стабилизирующих факторов.

Таковыми факторами считаются двусторонние и многосторонние соглашения, договоры и другие нормативно-правовые акты. В 1972 г. был подписан Договор по ПРО – «краеугольный камень стратегической стабильности». Статья V данного документа вводила запрет на создание, испытание и развертывание противоракетных и противоспутниковых систем, а также ударного оружия в космическом пространстве. Также были сформированы международно-правовые механизмы, обеспечивающие сохранение космического пространства мирным. Но они создавались в середине XX века, в период Холодной Войны и наличия только двух соревнующихся в космосе государств, и не способны ответить на вызовы и угрозы международной безопасности настоящего времени.

Так, например, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (Договор о космосе), ввел запрет на использование оружия массового поражения (ОМП) и ядерного оружия (ЯО) за пределами Земли. Однако международное право не упоминает возможность, или невозможность, использования других видов вооружений в космосе. Даже последующее подписание ряда документов (Соглашение о спасании 1968 г., Конвенция об ответственности 1972 г., Конвенция о регистрации 1976 г., Соглашение о Луне 1979 г.), не устранило данную правовую лакуну.

Таким образом, открытость вопроса о размещении конвенциональных и других видов вооружений, не запрещенных Договором о космосе, в XXI веке является одной из важнейших угроз безопасности. Из-за этого становится возможным вывод за пределы Земли ПСС, ПРО с космическим эшелонам, СВЧ, ОНПЭ и других технологий, подрывающих стратегическую стабильность. Устранение данной проблемы позволит смягчить воздействие вышеперечисленных дестабилизирующих факторов и восстановить равновесие.

Подводя итоги, можно смело подчеркнуть, что хоть подходы к изучению космической безопасности в России и США различны, оба государства рассматривают одну проблему – размещение вооружений в околоземном пространстве.

Гендерные роли: репрезентация в мировом медиапространстве

На протяжении всей истории человечества женщина была «матерью и хранительницей очага». Во время войн мужчина уходил на фронт, жертвуя собой ради блага своей жены и детей. Однако сегодня женщины становятся не только объектом войны, но и ее участницами. Каким образом это влияет на гендерные стереотипы? Свой ответ на этот вопрос предлагает Т. В. Скороспелова, доктор исторических наук, доцент ФМП МГУ.

Сфера войны более чем какая-либо другая сфера человеческой жизни тесно связана с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями: мужчины — воина, женщины — матери и хранительницы очага. Известная история о праведных воинах и беззащитных представительницах «прекрасного пола», которую рассказывали государства и в которую верили люди, необходима была для легитимации войны и для того, чтобы побудить людей сражаться за женщину-жертву [Huston, 1983]. Главной фигурой в этой истории является герой, который защищает своих женщин и детей от врага, жертвует собой для блага своего дома [Elshtain, 1991]. Репрезентация беззащитности женщин приравнивала последнюю к тому, за что борются мужчины, — к мирной жизни по возвращении домой. Женщины

становились, таким образом, одновременно объектом и целью войны, но не ее участницами.

Традиционно женщины считались непригодными к воинской службе, изображались пассивными в вопросах безопасности. Но участие женщин в вооруженных конфликтах по всему миру перевернуло привычные представления о традиционных гендерных ролях. Отчасти это объясняется тем, что женщины выполняют отличные от активных комбатантов функции: они могут быть поварами, сиделками, курьерами и т.д. Принимая на себя мужскую роль защитника, женщины, таким образом, бросили прямой вызов традиционным гендерным концепциям женщины — матери, хранительницы домашнего очага.

Сегодняшнее активное участие женщин в вооруженных силах привело к фактической смене гендерных ролей. Но как в этой ситуации проявили себя гендерные стереотипы? Судить об этом позволяет их репрезентация в СМИ.

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к одному из самых оптимальных способов исследования темы «женщина и война» — методу кейс-стади (case study). При освещении войны в Ираке американские СМИ стремились развенчать миф том, что женщине в условиях войны доступна исключительно роль жертвы. Для демонстрации победы гендерного равенства в первые месяцы военного вмешательства в СМИ акцентировалось присутствие в американской армии женщин-военнослужащих: на фоне образов мусульманок, страдающих от гендерной дискриминации в репрессивных, отсталых режимах Востока, демонстрировались фотографии белых женщин-солдат из США и Великобритании. Однако подчеркивание эмансипации женщин сопровождалось указанием на их беспомощность и уязвимость перед лицом угрозы насилия со стороны арабских мужчин [Brittain, 2006].

Самый известный случай двойственности восприятия женщины в традиционной «мужской роли» — история Джессики Линч [Sjoberg, 2010]. Речь идет о профессиональной военнослужащей, попавшей в плен в ходе вторжения США в Ирак в 2003 г. Линч удерживали в плену в течение 11 дней. В первых докладах об этом случае ее описывали как потенциальную жертву пыток и насилия со стороны иракских солдат. В СМИ и военных докладах Линч представляли смелым и решительным воином вне зависимости от ее половой принадлежности, но в то же время ставили вопрос о необходимости проведения государством спасательной операции [Sjoberg, 2007, p. 90]. Насущная потребность ее освобождения обсуждалась как в обществе в целом, так и на уровне официальных военных структур.

Казалось бы, Джессика Линч была уравнена в правах с мужчинами и ей, как и другим женщинам-солдатам, дали возможность занимать должности в вооруженных силах США, которые изначально предназначались для мужчин. Но СМИ в освещении ситуации ее пленения продолжали транслировать гендерные стереотипы, и женщину-солдата, которая участвовала в вооруженном конфликте, представляли наивной и нуждающейся в защите.

Линч постоянно называли «девочкой», которая пошла в армию, чтобы увидеть мир и достичь своей цели — стать воспитателем детского сада [Brittain, 2006, p. 81]. Журналисты СМИ, рассказывая об американских женщинах-солдатах в Ираке, подчеркивали, что их мечты не связаны с ведением войны. В сообщениях о Джессике Линч особый акцент делался на ее аполитичные, ненасильственные и изначально чисто «женские» причины вступления в армию. Журналисты представляли рядовую Линч слишком

молодой, слабой и наивной и утверждали, что, столкнувшись с жестоким обращением в плену, Джессика Линч вместо того, чтобы проявить агрессию, продемонстрировала свою уязвимость. Таким образом, транслировалось представление о беспомощной девочке, нуждающейся в защите. «Прекрасный пол» останется «прекрасным» даже с ружьем в руках и в военной форме [Sjoberg, 2007, p. 86] — поэтическое клише, характерное для репрезентации подобного рода ситуаций в медиапространстве.

И последнее: случай с Джессикой Линч использовали в качестве casus belli — формального повода для начала очередного этапа военной кампании с сохранением выгодных США итогов военного вторжения. Во время пребывания Линч в плену коалиционные силы взяли Багдад, и встал вопрос об окончании войны и выводе войск [Shadid, 2003]. История Линч была использована для усиления поддержки вмешательства в Ирак и военного присутствия там США и Великобритании. Львиная доля медийного пространства в завершающий момент кампании была отдана информации об освобождении Линч, что должно было служить доказательством того, что на войне в первую очередь необходимо защищать невинных женщин. Именно борьба за Линч, а не восприятие ее в качестве солдата, стала ключевым моментом в этой истории. Линч так и осталась представительницей «прекрасного пола», несмотря на свое участие в военных действиях.

Двойственная позиция СМИ обнажила парадоксальность ситуации: при кардинальной смене гендерных ролей гендерные стереотипы показали свою устойчивость, выдержали возложенную на них пропагандистскую нагрузку. При всех видимых переменах в сознании большинства репрезентация женщин в дискурсе войны оказалась последним и самым стойким оплотом гендерных стереотипов.

Источник: Скороспелова Т. В. Гендерные роли: репрезентация в мировом медиапространстве // Динамика современного мирового медиапространства : сборник тезисов по итогам круглого стола (5 декабря 2018 г.) / Под ред. Л. В. Минаева, А. М. Понамарева, Т. В. Скороспелова. — Издательство Московского университета, Москва, Россия, 2019. — С. 16–19.

Татьяна Владимировна Скороспелова
Доктор исторических наук, доцент
ФМП МГУ

Глобальное потепление: миф или реальность?

Эта зима всех нас удивила. В европейской части России наблюдались рекордно высокие температуры, уже в феврале можно было ходить в пальто. В Сибири погода соответствовала климатической норме, и тем не менее в некоторых регионах все равно было теплее, чем обычно. Так может, Грета Тунберг права? Может, глобальное потепление – действительно угроза, а не миф? Существует ли оно? Попробуем разобраться.

Глобальное потепление – это повышение средней температуры на Земле, которое мы наблюдаем уже более века. Его основная причина – антропогенная деятельность. Увы, оно действительно существует, и виной ему люди. Многие считают, что это проблема, которую необходимо решать как можно скорее, в то время как другие не придают ей никакого значения.

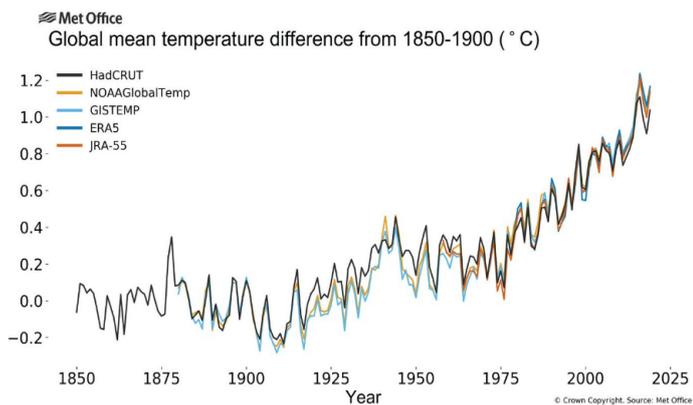
Однако, чтобы понять, что это вовсе не выдумка политиков и ученых, достаточно понаблюдать за динамикой средней температуры на нашей планете за несколько лет. Есть и другие косвенные признаки глобального потепления. Например, с каждым годом растет уровень мирового океана, тают ледники, арктические шапки становятся все меньше... Уже эти эмпирические данные покажут, что никто ничего не придумывает.

Бывают и волны холода. Они возникают из-за изменения движения потоков воздуха, что как раз-таки вызвано потеплением. Температура по всему земному шару постепенно выравнивается, и перепады давления становятся меньше.

Неужели у людей наблюдается синдром «лягушки в кипятке»? Ведь мы тоже сидим на постепенно нагревающейся поверхности и не воспринимаем наступающую нас опасность.

Сегодня средняя глобальная температура на 1,1 градуса Цельсия выше, чем была в доиндустриальный период. На первый взгляд, изменение мизерное. Проблема заключается в том, что даже такое маленькое отклонение имеет далеко идущие последствия для морской фауны, арктических льдов и даже для приморских регионов, где наводнения становятся настоящим бедствием.

Казалось бы, изменение климата происходит на протяжении миллионов лет, причем же тут человек? Может, это обычный процесс и роль нашей деятельности преувеличена? Естественная дегазация Земли вполне может вызывать парниковый эффект. Природные геологические источники (то есть грязевые вулканы, береговые и морские утечки, а также геотермальные и вулканические источники) тоже вбрасывают некоторое количе-

ство этана и пропана в окружающую среду. Например, недавно неприятный сюрприз человечеству преподнесло Красное море. Оно является очень мощным источником атмосферного этана и пропана, неметановых углеводородов. Поскольку там имеются крупные запасы нефти, ученые предполагали, что деятельность человека в данном регионе способствует выбросу в атмосферу огромного количества газообразных загрязнителей. Но количество вредных веществ оказалось выше на 40 процентов, чем ожидалось. Ученые стали разбираться и выяснили, что между Африканской и Аравийской континентальными плитами постоянно происходит тектоническая активность, и именно отсюда вырываются газы. Человек оказался не виноват.

Многие скептики отмечают, что глобальное потепление вообще кому-то выгодная выдумка. Так, например, Дональд Трамп во время своей предвыборной кампании в 2016 г. назвал глобальное потепление аферой, которую разработали китайцы для уничтожения американской промышленности. Более того, США осенью 2019 г. вышли из Парижских соглашений, обязывающих страны удерживать глобальное повышение средних температур на уровне 1,5 градусов Цельсия.

Президент США считает, что выход из договора поддерживает американскую экономику и занятость в промышленности и энергетике. Он оправдал свое решение обвинениями иностранных производителей в двуличности: ограничения, введенные Парижскими соглашениями, могут привести к банкротству американских производителей, в то же время иностранные предприятия продолжают безнаказанно загрязнять атмосферу.

Наконец, ученые отмечают, что на изменение климата может влиять Гольфстрим. В случае, если он изменит свое течение, Европе угрожает новый Малый Ледниковый период. Потенциальная возможность этой катастрофы подтверждается историческими данными – анализы льдов Гренландии и свидетельства о Малом Ледниковом периоде XIV-XIX вв. доказывают, что течение имеет большое влияние на климат. Изменение направления Гольфстрима может вызвать ускоренный рост уровня моря, ослабить интенсивность тропических ливней... И все это – без участия человека.

Конечно, наша планета переживала и Ледниковые пе-

риоды, и дни, когда температура была гораздо выше, чем сейчас. Просто динамика роста средней глобальной температуры в наше время гораздо выше, поскольку к естественным процессам добавляются и неестественные – выхлопные газы, загрязнение воздуха и озоновые дыры. Энергетический баланс был сильно нарушен за последние полвека. Природа не успевает приспособиться к таким резким изменениям. Под угрозой оказывается около 50 видов животных, а их исчезновение приведет к коллапсу экосистем. Нельзя думать, что вымирание видов не повлечет за собой никаких последствий для человека. Все в этом мире связано друг с другом.

И теперь тот же скептик Д. Трамп сменил точку зрения и считает, что глобальное потепление «не мистификация, а очень серьезная тема».

Не станем скрывать: у глобального потепления могут быть свои плюсы. В основном, выигрывают от него страны, которые расположены далеко от экватора. Например, в России и Канаде выросла урожайность – растения растут лучше при высокой концентрации углекислоты в воздухе. Однако любые выгоды перекрывает отрицательный эффект: убытки от участвовавших стихийных бедствий с лихвой компенсируют доход от сельского хозяйства. Экономические кризисы в экваториальных странах все равно вызовут кризисы в странах северных. Так стоит ли игра свеч? Кажется, нет.

Если все настолько плохо, почему же ничего не делается? Хотя кто сказал, что не делается: разрабатываются новые виды топлива, многие развитые страны переходят на возобновляемые и чистые источники энергии, ООН продвигает различные проекты по сокращению «углеродного следа». Каждый из нас тоже может сделать очень многое для нормализации климатической ситуации. Только кажется, что невозможно повлиять на мир личным примером. На самом деле, если каждый человек будет выполнять простые действия, то в глобальном плане многое может измениться.

Необязательно быть супергероями, чтобы спасти мир. Можно всего лишь:

- Распространять актуальную и достоверную информацию о глобальном потеплении;
- Выбрасывать мусор в урны, а еще лучше сортировать его и отправлять на переработку. Особенно это касается пластика и использованных батареек;
- Экономить энергию. Выключайте свет, когда уходите из дома, не оставляйте электроприборы включенными, не используйте их без надобности;
- Использовать вторсырье;

И, конечно же, не забывайте проверять, что еще вы можете делать и что вам по силам. Может быть, мы не станем вызванную нашим бездействием катастрофу, но ее придется пережить нашим детям.

США и Африка: плавный спуск от вершины к подножию. Как жесткие меры приводят к падению авторитета США в Африке?

За последнее десятилетие отношение к африканским странам сдвинулось от «афропессимизма» к необычайной по своей интенсивности гонке мировых держав за присутствие на континенте. Крупные месторождения полезных ископаемых привлекают всех. Основными игроками региона на данный момент являются США, Китай, Великобритания, Россия, Турция, Индия. В рамках усиливающегося противоборства США теряют свои позиции. Но что могло повлечь за собой такие последствия? Обратимся к истории, чтобы проследить эволюцию концептуальных подходов США к проведению внешней политики в отношении Африки.

Во время президентства Рональда Рейгана, в ходе переговоров в Рейкьявике, США смогли поспособствовать стабилизации обстановки в Анголе, Эфиопии, Мозамбике и других африканских государствах, погрязших во внутренних неурядицах. Усилению присутствия Соединенных Штатов на континенте способствовала и новая политика Джорджа Буша-старшего. В этот период основным внешнеполитическим приоритетом республиканской администрации стало прямое участие в урегулировании региональных конфликтов в целях создания благоприятных условий для развития демократии и рыночной экономики во всем мире, что, безусловно, отвечало национальным интересам США. Знаменательным событием в рамках нового внешнеполитического курса стала миротворческая операция «Продолжение надежды» в Сомали. Кроме того, Соединённые Штаты поддержали проамериканских кан-

дидатов на выборах в Эритрее, Зимбабве, Намибии, Анголе и Судане. После окончания Холодной войны правительство США несколько умерило свои аппетиты, по сути, оставшись единственной сверхдержавой на мировой арене. Однако вскоре позиции США в Африке были подорваны неудачной операцией в Сомали, а их основное оружие – «вмешательство во внутренние дела государств в гуманитарных целях» – было раскритиковано мировым сообществом. Впрочем, США не собирались ни с кем делить статус главного арбитра на африканском континенте.

С 1998 г. берет свое начало новая африканская политика США, сформулированная президентом от Демократической партии Уильямом Клинтонем. Основные положения гласили: все события на континенте входят в сферу национальных интересов Штатов; подчер-

квивалась важность сохранения целостности африканских государств, так как их распад мог привести к распространению терроризма и наркотиков, росту нелегальной миграции и затрат на гуманитарную помощь. На тот момент США активно сотрудничали с Нигерией, являющейся крупным экспортером нефти, богатыми минералами Южной Африкой и Анголой, а также со странами, граничащими с Суданом. Целевой диалог с таким ограниченным кругом государств во многом отвечал собственным политико-экономическим и геополитическим интересам Соединённых штатов.

Приоритеты американской внешней политики в Африке получили концептуальное оформление в принятом в 2000 г. законе «Об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки» («African Growth and Opportunity Act», AGOA). После печально известного террористического акта 11 сентября 2001 г., который поверг в шок американскую общественность и придал новый импульс дискуссии в среде политического руководства страны об обеспечении безопасности США, континент приобрел стратегическое значение для американского государства по двум направлениям: противодействие терроризму и борьба с Китаем за доступ к минеральным ресурсам и нефти. В Джибути была создана военная база США в «Кэмп-Лемоньер», призванная бороться с ячейками «Аль-Каиды», а уже в 2008 г. было создано региональное командование американских вооруженных сил АФРИКОМ. Размер финансовой помощи Африке вырос при Джордже Буше-младшем в четыре раза.

Администрация президента от Демократической партии Барака Обамы в силу произошедшего финансового кризиса 2008 г. была вынуждена сменить приоритет с внешней политики на внутреннюю, что, однако, не помешало лидеру страны во время своего второго срока вернуть африканский вопрос в повестку дня ввиду усилившегося присутствия Китая на континенте. Именно в годы второго президентского срока происходят концептуальные изменения в американской внешней политике на африканском континенте. Так, Барак Обама резко сократил программы по финансированию Африки, урезав, в частности, инвестирование государственной корпорации «Вызовы тысячелетия» (Millennium Challenge). Кроме того, США планомерно сужали дипломатическое присутствие в Африке, что наглядно проявилось в случае Нигерии, где около двух лет посол США просто не назначался, и в ЦАР, где в 2012 г. было закрыто посольство США. Военное же присутствие Соединённых Штатов несколько не сократилось, а только расширилось. Об этом свидетельствуют масштабы операции миротворческого контингента СБ ООН «Odyssey Dawn» в Ливии, направленной на свержение режима Джамахирии под руководством Муамара Каддафи. Операция, как известно, проводилась под эгидой американского воинского контингента. В экономическом плане Барак Обама практически отказался от односторонних инвестиций и переключился

на «взаимовыгодное» торговое партнерство («Стратегия США к югу от Сахары», «Энергия Африки», «Накорми будущее»). В 2015 г. в ходе турне по Восточной Африке президент заключил с рядом государств субрегиона договорённости по обеспечению безопасности, борьбе с терроризмом и коррупцией на континенте. Фактически глава американской администрации взял курс на применение жестких мер и отказался от одностороннего инвестирования. Новой вехой в политике США по отношению к Африке стал приход к власти президента от Республиканской партии Дональда Трампа. Он оценил политику предшествующей администрации как нецелесообразную: нового президента в большей степени волновали вопросы хищений при оказании гуманитарной помощи, процветающей коррупции, а также продолжения деятельности радикальной группировки Боко Харам, дестабилизирующей ситуацию на африканском континенте. США и Япония, в рамках сдерживания нарастающего влияния Китая и Индии в Африке, предложили создать «открытую» и «свободную» зону в Тихом и Индийском океанах. Превращение области от Тихого океана до Персидского залива в «зону верховенства права и рыночной экономики» могло сыграть на руку США, но так и осталось проектом. На имидже США в Африке негативно сказалось и неосторожное заявление Дональда Трампа, который в январе 2018 г. позволил себе называть страны африканского континента «грязными дырами», за что в итоге оправдывался.

Важно отметить, что Дональд Трамп лишь обнажил реальную политику США по отношению к африканскому континенту, в которой сочетаются взаимоисключающие, часто неудачные действия. Если Китай и Индия пытаются использовать мягкую силу и не вмешиваются во внутренние дела африканских стран, а их методы более конкурентоспособны, так как не

требуют каких-либо жестких политических условий, то США действуют иначе. Задача Вашингтона – извлечь максимальную выгоду при минимальных вложениях. Политика Соединенных Штатов часто опирается на меры жёсткого принуждения. Вспомним односторонние ограничительные меры, введенные США против Зимбабве еще в 2003 г. Они затрагивают около 120 человек, включая бывшего премьер-министра Мугабе, скончавшегося в 2019 г. и членов его семьи, которым запрещен въезд в США, а также американские компании, которым не позволено вести дела с юридическими лицами, связанными с зимбабвийским руководством. Прошедшие выборы и смена руководства в стране не стали основанием для снятия санкций. Против Бурунди, Сомали, ЦАР и Южного Судана американские санкции действуют до сих пор.

Сложно назвать намерения США в отношении Африки мирными, если принимать во внимание недавно опубликованный американскими властями список 36 спецопераций, проводимых на континенте в настоящее время, либо завершённых совсем недавно. Он был составлен на основании Закона о свободе информации, а также списка боевых операций ВС США, подготовленного министерством обороны, который просочился в сеть через частное лицо. Дон Болдак, отставной бригадный генерал, проходивший службу в АФРИКОМ, предоставил информацию СМИ, согласно которой США продолжают до настоящего времени не менее 36 спецопераций, причём только малая часть из них на данный момент находится в стадии завершения. Американские войска принимали участие в боевых действиях на территории как минимум 13 стран Африки: Буркина-Фасо, Камеруна, ЦАР, Чада, ДРК, Мали, Мавритании, Кении, Ливии, Нигера, Сомали, Южного Судана и Туниса. Важно отметить, что большинство граждан США впервые узнали о том, что их правительство проводит спецоперации в Африке, лишь в 2017 г., когда американский военный отряд попал в засаду боевиков из группировки Исламское государство у деревни Тонго-Тонго в Нигере. На это некоторые возражают, что США выделяют голодающей Африке огромные суммы на гуманитарные нужды, а поставки помощи нуждаются в соответствующей защите и даже военном эскорте, но действительно ли это так? Николай Стариков, российский общественный и политический деятель и публицист, в своей статье о механизме предоставления гуманитарной помощи США странам Африки развенчивает миф о том, что благотворительность подразумевает обеспечение населения продовольствием в дар. В США действует закон, согласно которому все товары для гуманитарной помощи должны быть произведены на территории страны-поставщика, что косвенно указывает на корыстный характер гуманитарной деятельности Соединённых Штатов. Таким способом правительство предоставляет дополнительные рабочие места своим гражданам, но в то же время производство на территории США делает товары намного дороже. Затем

все продовольствие должно быть доставлено нуждающимся странам исключительно на судах США, что предполагает огромные затраты на транспортировку американской продукции. После доставки груза американские коммерсанты не раздают его просто так. Американцы сбывают «благотворительные» товары по демпинговым ценам, якобы сам факт заниженного ценника – уже большой подарок. Только вырученные от продажи деньги тратятся на борьбу с бедностью и подъем сельского хозяйства голодающей страны. Однако к тому времени спасти уже нечего – местные фермеры не выдерживают конкуренции с американскими товарами. Отказаться от предложенной Соединёнными Штатами помощи просто невозможно, ведь это повлечёт за собой разбирательства по поводу несоблюдения прав человека, а государственный режим в одночасье попадёт в разряд недемократических. Более того, для получения каких-либо дотаций от США страны должны соответствовать жестким критериям. Например, в рамках корпорации «Вызовы тысячелетия» для получения безвозмездных кредитов страна должна иметь не выше 1750 долларов ВВП на душу населения. Далее страну проверяют на соответствие антикоррупционным стандартам, после чего оцениваются успехи правительства в области политики, экономики и социальной сферы.

В заключение представляется возможным констатировать, что США в скором времени придется пересмотреть свою политику в отношении африканского континента, если они не хотят дальнейшего ослабления своих позиций. На данный момент Штаты стремятся удержать своё пошатнувшееся положение путём наложения односторонних ограничительных мер либо посредством установления в странах Африки проамериканских политических режимов с помощью силы, что не всегда позитивно сказывается на имидже страны. Кроме того, на основании рассмотренных концептуальных подходов США были выявлены скрытые намерения американского государства, которое зачастую преследует собственные интересы в торговой и экономической сферах. Если еще в конце 20 века США были главным игроком в Африке, то на сегодняшний день они стремительно отступают перед всё нарастающим влиянием Китая, который с невероятной скоростью наращивает товарооборот с регионом и в ближайшее время может сместить США по объему накопленных инвестиций в Африке (57 млрд долларов США против 40 млрд долларов Китая в 2016 г.).

Сташейко Виктория

«Сделка века»: грамотная пиар-кампания Трампа или попытка войти в историю?

45-й президент Соединенных Штатов предложил революционный план по урегулированию вечного конфликта между Израилем и Палестиной. Но насколько это предложение жизнеспособно? Кто выиграет от него, кто проиграет? «Игра с положительной суммой» или односторонние уступки палестинской стороны? На эти и другие вопросы пытается ответить автор статьи.

Более 70 лет вопрос с разделением арабских и еврейских земель остается неразрешенным. Резолюция ООН №181 прекратила действие британского мандата в Палестине и наметила контуры двух «неназванных государств» на территории последней: еврейского и арабского. Земля была разделена неравномерно между общинами. Евреи получили чуть больше земли, но она была малопригодна для ведения активной сельскохозяйственной деятельности, арабам досталась земля получше в плане плодородия, но по площади уступала «еврейской части». Само собой разумеется, такой расклад не устроил палестинскую сторону, и в ходе каждой последующей войны она теряла постепенно все то небольшое, что изначально отошло ей в соответствии с резолюцией ГА ООН. На данный момент Палестинская национальная администрация (далее – ПНА) контролирует Сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Также арабы считают Восточный Иерусалим своей столицей, что, кстати, соответствует букве международного права. Не много у них осталось. Израиль не соглашается даже с таким, во многом печальным для арабской общины, положением дел и, благодаря незаконному строительству «под носом у арабов» еврейских поселений, «палестинские земли» становятся все более мозаичными, территориальный вопрос – все труднее и непонятнее, а наде-

жда урегулировать кризис в ближайшее время – все призрачнее.

Что же предлагает Дональд Трамп? Руководствуясь этнической географией сегодняшнего дня, американский президент предлагает передать Израилю те земли, где проживают евреи. А чтобы решить вопрос «палестинской мозаики», США предлагают построить систему из шоссе и тоннелей, различных мостов, связывающих все земли в одно государство. Подобное сооружение в теории должно снять все опасения Израиля по поводу своей безопасности, тоннели должны быть сконструированы таким образом, что выйти из них где-то «посередине» не получится. Значительно более короткие туннели с автомобильными дорогами появятся и между «кусочками» арабской мозаики Западного берега. А те еврейские поселения, что стали в этих кусочках анклавами, получают самоуправление и будут соединены с «Большой еврейской землей» дорогами, находящимися под контролем израильских сил безопасности. По-настоящему революционным этот план можно назвать потому, что впервые за всю историю арабо-израильского конфликта Государство Израиль совершает две значительные территориальные уступки к югу от сектора Газа, с тем чтобы решить там проблему перенаселе-

ния и преодолеть перебои в поставках продовольствия. Для воплощения в жизнь задуманных планов Дональд Трамп пообещал 50 млрд. долларов инвестиций, однако в обещании американского президента между строк читается следующий посыл: весь мир должен оказать посильную финансовую помощь в разрешении данного конфликта.

Наиболее болезненный пункт прений и споров – Восточный Иерусалим. Дональд Трамп предлагает оставить город столицей двух стран, двух народов. При этом, все прекрасно понимают, что город контролирует Израиль, а Палестина лишь сохраняет там ряд арабских анклавов. Главное условие сделки – отказ Палестинского правительства от поддержки действующего в Секторе Газа радикального движения «Хамас» и полная демилитаризация страны. Принимая эти условия, палестинцы, по сути, соглашаются на ограничение своего и без того «ущербного» суверенитета. «Ограниченный суверенитет» – вот та непомерно высокая цена, которую американский лидер предложил за эту «сделку».

Многие эксперты уже назвали «сделку века» «планом Кушнера». Джаред Кушнер – ортодоксальный набожный иудей, зять Дональда Трампа, его ближайший старший советник, а также наиболее доверенное лицо. Перед замужеством в иудаизм перешла и дочь Трампа Иванка. Все это в очередной раз доказывает, что американская сторона, выступая посредником в разрешении конфликта, стоит на стороне Израиля и еврейского народа. Реакция ПНА была ожидаемой. Арабы заявили, что «план Кушнера» – это «пощечина века», после чего отклонили «сделку». Впрочем, у них есть еще четыре года, чтобы переменить свое решение. Многие эксперты заверяют, сдвиги в решении этого вопроса произойдут, когда сменится не одно поколение политиков. Позиции Палестинцы ослабевают с каждым новым витком переговоров, а все попытки защитить свой суверенитет заканчиваются еще большим его ослаблением. Не способствует укреплению позиций и демографическая ситуация. Для региона уровень рождаемости арабов в Палестине один из самых низких, при этом многие палестинцы зачастую пытаются интегрироваться в израильское общество, считая, что так их жизнь станет спокойнее и лучше. Таким образом, Израиль пытается ассимилировать арабов, проживающих на палестинских землях, и уже очевидно, что это вопрос времени.

Почему именно сейчас Дональд Трамп решил выдвинуть такое «беспрецедентное предложение»? И почему оно действует четыре года? Все очень просто. Громкие заявления подобного рода не только отвлекают внимание избирателей от процесса импичмента, но и формируют образ американского лидера как «спасителя» мира, что прибавляет очки в его копилку перед грядущими президентскими выборами. Более того, глава американской администрации вполне объективно рассчитывает на переизбрание, а значит, если палестинцы за эти четыре года дадут свое согласие на «план Кушнера», то Трамп, подписавший мирное соглашение, войдет в историю, как президент, разрешивший спор, длившийся более 70-ти лет. Грамотный расчет успешного бизнесмена: зачем нужна хитрость и дипломатия, когда можно исполь-

Today

Under the Trump Plan

зовать лишь сухие факты и заманчивые суммы денег? Ничего личного, ведь так? Палестинцы скорее всего понимают, что, отказываясь от предлагаемых сейчас «даров», они теряют намного больше, чем приобретают. Впрочем, их вера в лучшее будущее не угасает, а борьба за принципы справедливости все еще носит для них священный характер.

К сожалению, история очень часто бывает не справедлива: какие-то решения, пусть даже они носят болезненный характер для одной из сторон переговоров, осуществляются в угоду жестким реалиям. Это всегда лучше, чем затяжные конфликты, влекущие за собой многочисленные тяготы для обычных граждан. В глобализованном, казалось бы, мире, манящим своими удобствами и технологическими изысками, мы все чаще становимся свидетелями того, с каким ярким рвением, фанатичной страстью, неподкупной верой люди борются за ценные для них клочки земли, пусть даже и сухой, раскаленной пустыни; как люди защищают свои святыни, историю и культуру. Эта борьба обходится дорого. В особенности для мирных граждан. Возникает вопрос: что же делать? Что нам сегодня важнее? Удобство? Комфорт? Мирная жизнь? Или защита своей земли, своего прошлого, своего государства? Ответ повис в воздухе. У каждого он свой. Кто знает, может со временем палестинцы вспомнят о предложении Дональда Трампа, откажутся от своих притязаний на государственность, выберут другой путь. Ну, а пока политики используют региональные конфликты, преследуя свои личные цели, и, надо сказать, хорошо просчитанный пиар-ход американского лидера с нескромным названием «сделка века» окупается в полном объеме и уже приносит некоторые политические и имиджевые дивиденды президенту-республиканцу и его команде.

Интервью Л. Э. Слуцкого газете «Non Paper»

В контексте произошедших изменений в административной структуре факультета и назначения Председателя Комитета Государственной Думы РФ по международным делам, д.э.н. Л. Э. Слуцкого президентом ФМП, редакция «Non Paper» не могла не инициировать разговор с Леонидом Эдуардовичем о его видении дальнейшего развития факультета и представлениях о взаимодействии со студенческим сообществом.

НР: Леонид Эдуардович, здравствуйте! Прежде всего от имени студентов ФМП и нашей газеты «Non Paper» хотела поблагодарить Вас за согласие на интервью в условиях такой сложной ситуации с COVID-19. Побеседовать с Вами лично – это вообще для нас большая журналистская удача, и начнем мы, если позволите, с темы, непосредственно связанной с ФМП. Структура нашего факультета усложняется, вводится новая должность – президент факультета, и ее займете Вы. Какие изменения это за собой повлечет? В чем Вы видите свою миссию на факультете?

Л.Э.: Прежде всего позвольте отметить профессионализм, с которым делается Ваша газета. Я имел возможность ознакомиться с одним из номеров «Non Paper»: это, действительно, аналитическое издание, поэтому – поздравляю. Для студенческой газеты – очень глубоко. Что же касается усложнения структуры – не согласен. Факультет работает с сегодняшней командой, которая ведет его к серьезным достижениям и выполняет задачи, поставленные ректором МГУ В. А. Садовничим, уже 17 лет. Усложнять здесь ничего не нужно. Мы будем чуть-чуть «довооружать» работу факультета, занимаясь сближением его с реальной внешнеполити-

ческой кухней, с МИД, с Комитетом Государственной Думы по международным делам через студенческие практики, через Модель ООН, которая существует на ФМП. Это архиважно для нас, ведь ООН – организация, которая доказала свою безальтернативность. Так записано в Концепции внешней политики РФ, и для нас важно, чтобы ООН не была реформирована, а осталась верхушкой мировой архитектуры нового столетия, и важно, чтобы многие, кто хотел бы позиционировать себя во внешней политике когда-либо после окончания вуза, понимали, как действует ООН.

Московская Международная Модель ООН многие годы действует в МГИМО, активно развивается на ФМП, и думаю, что мы продолжим двигаться в этом направлении. Речь не идет о соревновании с кем-либо, но студенты ФМП, уверен, смогут еще больше раскрыть свой потенциал в рамках этого проекта. Многие из них когда-то и придут на работу в ООН и ее институты.

ФМП – это факультет, который в системе координат МГУ занимается подготовкой кадров для внешней политики России, для реализации тех, весьма амби-

циозных (!), задач, которые ставит Президент страны перед нашим внешнеполитическим ведомством, говоря о продвижении нашей страны в мировой политике и международных отношениях. Это задача очень амбициозная. Для этого факультет не должен существовать в отрыве от парламентской дипломатии, от нашей главной внешнеполитической кухни – МИДа, от тех, кто сегодня так или иначе причастен к внешнеполитическому измерению российской политики.

И я считаю, что многое смогу сделать, конечно, в первую очередь, общаясь со студентами и решая те задачи, которые студенты будут ставить передо мной. Это также очень важно.

Но те, кто, окончив МГУ, окончив наш факультет, реально придут во внешнюю политику, должны быть очень сильными профессионалами. Это требование сегодняшнего дня. Мы живем в очень и очень непростое время, у нас масса новых вызовов и угроз, начиная от международного терроризма, у нас коронавирус, о котором мы, наверное, поговорим отдельно... И, обратите внимание, вчера на саммите «Большой двадцатки», который с учетом пандемии коронавируса проходил в виртуальном режиме, Президент России высказался в пользу отмены санкций – «вывихнутого» механизма влияния стран друг на друга, – который безнадежно устарел, является абсолютно депрессивным и деструктивным, особенно в ситуации, когда нам всем надо объединяться перед лицом новой глобальной угрозы.

С этой точки зрения, считаю, что наш факультет должен быть на переднем рубеже внешней политики, соприкасаться с ведущими дипломатами, учеными, общественными деятелями, которые действительно причастны к внешней политике нашей страны. Постараюсь это обеспечить. Соответственно, вопросы студенческих практик, грантов, все, что значимо в плане стратегии факультета, я постараюсь обеспечить в меру своих сил для того, чтобы ФМП в системе координат МГУ – главного высшего учебного заведения страны – стал реальной кузницей кадров для российской внешней политики и обеспечивал через своих выпускников достойную роль нашей страны в мировых делах нового столетия. Амбициозная задача, но, безусловно, выполняемая.

НР: Да, планы грандиозные, и Ваши слова позволяют верить, что осуществимые. Честно признаться, наши студенты очень переживают по поводу практик. Вы, как мы знаем, являетесь депутатом Государственной Думы от ЛДПР, Председателем Комитета ГД по международным делам. Для нашего факультета, выпускающего специалистов-международников, Ваше назначение, несомненно, – окно возможностей. Планируете ли Вы оказывать студентам факультета какое-либо содействие в решении этого вопроса?

Л.Э.: Конечно. Было бы странно, если бы я стал президентом факультета, а практику бы в нашем Комитете проходил бы кто-либо еще. Конечно, мы будем при-

нимать студентов из разных вузов, хотя возможности для практики в Комитете по международным делам не безграничны, но приоритет, не скрою, будет отдаваться студентам ФМП. Эта практика, уверен, пойдет им на пользу.

НР: Будем надеяться. Со своей стороны сделаем все возможное, открывающиеся перспективы заставляют усерднее учиться, ведь возникает дополнительная мотивация.

Л.Э.: Спасибо большое. Надеюсь, что вместе мы решим много важных задач. В реализации которых сами студенты, еще раз подчеркну, будут заинтересованы.

НР: Помимо представления интересов общества в ГД, Вы отстаиваете интересы нашей страны на международной арене в качестве заместителя руководителя делегации Федерального Собрания РФ в Парламентской Ассамблее Совета Европы с 2000 г. Как Вы можете прокомментировать работу Совета Европы в современных реалиях? Ведь сегодня эффективность сотрудничества в рамках многосторонних международных структур подвергается сомнению.

Л.Э.: Здесь существует много оценок. В частности, многие европейские эксперты считают, что сегодняшний Совет Европы – не более, чем начальная школа для вступления в Европейский союз. Я с этим не согласен. Совет Европы – самостоятельная международная организация со своими традициями, и ПАСЕ сегодня – самая широкая форма парламентской организации на европейском континенте. У нас 47 стран-членов и столько же парламентских делегаций. Работа в ПАСЕ зачастую не самая благодарная и приятная наша обязанность, но тем не менее, «чем больше нас среди них, тем меньше их среди нас», в данном случае – наших оппонентов. ПАСЕ – прекрасная возможность в плоскости той самой парламентской дипломатии, парламентского измерения нашей внешней политики проводить внешнеполитическую линию Президента РФ. У нас нет какой-то внешнеполитической повестки ГД или Совета Федерации, у нас есть повестка Президента и ее парламентская проекция. Именно поэтому в нашем Комитете, как правило, все решения принимаются консенсусом. Во внешней политике не может быть межфракционных различий. Но вместе с тем должен сказать, что в ПАСЕ удастся добиться многих решений, которые для нас являются знаковыми. Конечно, мы еще далеки от того, чтобы у нас была единая позиция с коллегами, например, по Крыму и по некоторым другим вопросам, которые для нас являются принципиальными. Но давайте вспомним далекое начало 2000-х гг., когда многие из сегодняшних студентов ФМП еще не родились, а мы уже работали в ПАСЕ, и тогда удалось переиграть наших стратегических оппонентов, как я их называю «стратегических друзей», по так называемым чеченским досье, где Россию обвиняли во всех абсолютно смертных грехах. А теперь посмотрите: Северный Кавказ процветает в плане экономики и социальной политики. Но тогда, в нача-

ле 2000-х гг., нынешний Президент России совершил важнейшие шаги, которые, по сути дела, оставили республику Северного Кавказа, прежде всего Чеченскую республику, в конституционном поле РФ. И то, что мы добились здесь поддержки европейцев, именно на площадке ПАСЕ, – большой результат, и он является в историческом масштабе, пожалуй, несоразмерным.

Что же касается сегодняшней работы, было бы гораздо хуже, если бы нас там не было. Тогда оценки России по разным досье составлялись бы основе компиляции каких-то газетных публикаций или на основе сообщений в интернете. Все это было бы совершенно деструктивно. Мы несколько лет назад ушли из ПАСЕ, потому что нас там шельмовали, подвергали жесткому прессингу совершенно без какого бы на то основания. Затем было принято непростое, но, на мой взгляд, мудрое решение руководством страны о том, что в ПАСЕ надо возвращаться. Мы сегодня вернулись. Руководит делегацией человек очень подготовленный, вице-спикер ГД Петр Олегович Толстой. Мы работаем с ним в своеобразном тандеме, чем я горжусь и уверен, что наша работа на площадке ПАСЕ в дальнейшем будет, безусловно, не самой простой, но, несомненно, эффективной.

НР: Большое спасибо за Ваш ответ! Со своей стороны я также придерживаюсь мнения, что международные организации – это хорошие площадки для сотрудничества. В них есть потенциал.

Л.Э.: Да, это точно. Если на какой-то площадке нас нет, то там нет России, есть некая виртуальная Россия, которая не имеет ничего общего с Россией реальной. И тогда эта виртуальная Россия обливается негативом из всех возможных источников. И данная площадка

работает просто против нас, она становится пространством непрерывной циркуляции вбросов антироссийской информации, которые поневоле мало-помалу заполняют сознание тех, кто на этой площадке работает. Поэтому уходить с международных площадок сколь угодно для нас неудобных – неправильно. Если мы вступили в организацию – в Совет Европы мы вступили в 1996 г. – то в этой организации надо работать, и как бы ни было порой сложно или досадно от недопонимания коллег, необходимо разъяснять, необходимо продвигаться. Как показывает наш опыт в ПАСЕ, эта стратегия в итоге полностью себя оправдывает.

НР: Леонид Эдуардович, за Вашей профессиональной деятельностью депутата стоит серьезная научная база, Вы – доктор экономических наук. В связи с этим, думаю, нашим читателям было бы интересно узнать ваше мнение о «главном герое» всех новостных сюжетов – коронавирусе. Как Вы можете оценить ситуацию?

Л.Э.: Прежде всего я хотел пожелать всем студентам, аспирантам, преподавателям, всем сотрудникам ФМП – лучшего факультета МГУ – не заразиться и остаться здоровыми. И быть лучшими по нулевому количеству кейсов коронавируса.

Фонд Мира, который я возглавляю на общественных началах, активно участвует в разрешении этой непростой ситуации. Российский Фонд Мира – это самая большая общественная организация в стране, правопреемница Советского Фонда Мира, мы имеем высший аккредитационный статус при ЭКОСОС, Совете Европы, ЮНЕСКО. Итак, мы поставляем медицинское оборудование в те страны, которые особенно страдают от коронавируса: в Иран, в Италию.

Что касается защиты населения, Россия сегодня страна, которая лучше всех государств мира готова к коронавирусу (не из-за «ура-патриотизма», а объективно). У нас есть квалифицированные врачи, есть возможность быстро возводить или перепрофилировать существующие медицинские учреждения или их корпуса под лечение больных с данной инфекцией. Президент лично посетил клинику в Коммунарке и в ежедневном режиме отслеживает вместе с правительством и профильными министерствами ситуацию в различных регионах России. Россия сегодня максимально успешна в противодействии этой страшной угрозе. Вместе с тем никакие усилия на государственном уровне, на уровне городов, районов, субъектов федерации не будут эффективными, если мы не будем соблюдать самые элементарные правила, базовые меры предосторожности, о которых сейчас так много говорят все СМИ. Мы должны особенно заботиться о наших родителях, о людях старшего поколения. Это задача совершенно выполнимая. И хотелось бы еще раз поблагодарить руководство страны (не за то, что оно руководство), а за то, что оно действительно так эффективно, в режиме онлайн, работает по защите нас от этой страшной и очень тяжелой болезни. Мы не можем быть уверены, что коронавирус пройдет в течение апреля, но в принципе мы защищены от проникновения в страну новых кейсов инфекций, мы достаточно эффективно работаем над лечением и изоляцией больных, которые уже, к сожалению, инфицированы. Вместе с тем мы, конечно, не можем сказать со стопроцентной уверенностью, что полностью контролируем течение пандемии вируса в России. И хотел бы еще раз всем нам пожелать осторожности и, самое главное, остаться здоровыми. Пожелать всем читателям нашей газеты, всем, кто связал свою жизнь с лучшим факультетом – факультетом мировой политики – не болеть, оставаться здоровыми. В этом залог нашего общего успеха.

НР: Коронавирус представляет серьезную угрозу не только жизни и здоровью людей, но и экономикам стран. Как Вы можете оценить ситуацию? Ждать ли миру нового масштабного кризиса? Или он уже начался?

Л.Э.: Экономика России не замедлилась. Но, конечно, для нее существуют большие риски из-за вируса. Вместе с тем давайте посмотрим на выступление Президента. Он обратился к нации и объявил нерабочую неделю, и он подстраховал тех, кто находится в группе риска не только по здоровью, но и по возврату кредитов, по другим очень проблемным вопросам, которые возникают в связи с коронавирусом. Не осталось ни одной проблемной категории населения, о которой он в данном случае не позаботился. Этого нельзя было бы сделать, например, допустить послабления по кредитам, если бы у нас были экономические сложности в стране. Запас прочности нашей экономики весьма велик, и поколебать его коронавирус не сможет, поскольку правительство и те, кто работает в регионах, совершенно готовы к тем мерам, которые не позволят экономике ослабнуть. Коронавирус, безусловно, пред-

ставляет собой потенциальную угрозу для экономической ситуации и стабильности в стране, но все необходимые меры уже приняты.

В частности, в контексте обсуждения экономических последствий коронавируса, я бы хотел сказать о новом наборе на ФМП. Я буквально перед вами записал обращение для, опять же, виртуального, к сожалению, дня открытых дверей факультета. Уверен, в 2020 г. набор на факультет не просядет, потому что инвестиции в качественное образование – это главный шаг в направлении к успешной карьере и достойному заработку в будущем. Уверен, что прием у нас будет еще больше, что мы получим очень интересный, пытливым, непростой, перспективный первый курс, который придет в аудитории факультета в начале учебного года.

Еще раз хочу сказать: не нужно бояться коронавируса. Тем, кто ведет себя не безалаберно, принимает такие простые, но такие важные меры предосторожности для того, чтобы не заболеть, и вирус не страшен.

Еще хотел бы сказать, что у нас на факультете коронавируса не будет. Факультет мировой политики и коронавируса – вещи несовместимые.

НР: Ну, после таких слов совсем можно успокоиться и расслабиться, соблюдать меры предосторожности...

Л.Э.: Расслабляться не надо, необходимо собраться и сохранять уверенность в себе. Я как президент факультета обещаю быть доступным для студентов и продвигаться вместе в решении тех непростых вопросов, которые стоят перед факультетом МГУ. У ФМП крайне амбициозная задача – подготовка кадров для нашей внешней политики, подготовка людей, которые хотят внести свой вклад в укрепление позиций России в мировых делах нового столетия.

НР: Леонид Эдуардович, спасибо Вам огромное за интересное интервью! Надеемся, что совместными усилиями мы еще больше укрепим позиции нашего (теперь уже общего) факультета в научном и образовательном пространствах!

Интервьюер: Анастасия Батагова

Над интервью также работали: **Наталья Санникова, Диана Хаджимурадова, Анна Сухарева**

27.03.2020

